

Альтернативные стратегии социализации молодежи: потенциал, ресурсы, риски

УДК 316.33

СТРАТЕГИИ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ НА ПОСТИМПЕРСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Д. А. Аникин

Саратовский государственный университет
E-mail: dandee@list.ru

Статья посвящена трансформации социальной памяти в условиях постсоветского пространства, в котором происходит конструирование альтернативных типов социальной памяти, сознательно противопоставляемых советскому прошлому. На основе пространственного анализа социальной памяти, представленного в работах П. Нора, и структуралистской методологии П. Бурдьё автор рассматривает изменение символической конфигурации постсоветского пространства, в которой периферийные типы социальной памяти занимают доминирующее место.

Ключевые слова: социальная память, империя, политика памяти, социальное пространство, символический капитал.

Strategy of a Policy of Memory on Postimperial Space

D. A. Anikin

Article is devoted transformation of social memory in the conditions of the post-Soviet territory. Specificity of the post-Soviet territory is designing of alternative types of the social memory meaningfully opposed to the Soviet past. On the basis of the spatial analysis of social memory presented in works by P. Nora, and P. Burde's structuralist methodology the author considers change of a symbolical configuration of the post-Soviet territory in which peripheral types of social memory take a dominating place.

Key words: social memory, empire, policy of memory, social space, symbolical capital.

Проблема отношения к прошлому особенно остро ощущается в тех государствах, которые либо только возникают на политической карте, либо в результате острых социальных потрясений вынуждены переосмысливать свою историческую преемственность. После распада СССР в подобной ситуации оказались все республики, образованные на постсоветском пространстве. То, как они конструируют образы прошлого, можно рассматривать на таких материалах, как законодательные акты (так называемые законы памяти), а также в репрезентациях официальной позиции в учебной литературе и мемориальной деятельности (создание памятников). Следует отметить, что близкой проблематикой занимается

В. А. Шнирельман, рассматривающий в ряде своих статей связь возникновения этноисторических мифов с процессами политической и культурной идентификации в результате распада имперского пространства¹. Интересующей нас тематике также посвящено несколько сборников, в которых анализируются стратегии политики памяти в структуре школьного и университетского образования².

В современной социальной антропологии существует обширная литература, рассматривающая Советский Союз как империю, а совокупность независимых государств, образовавшихся после его распада, соответственно, как постимперское пространство, обладающее определенными характеристиками – институциональными и социокультурными³. В. А. Шнирельман считает, что «советская власть десятилетиями внушала людям идеи коллективизма и нерушимой общности. Эти идеи воспринимались людьми на двух уровнях: на одном – как общность «советского народа», или гражданская общность, на другом – как этническая или этнокультурная общность. Первое лучше усваивалось русскими и обрусевшими людьми, второе – титульными народами республик разного уровня, а также этническими группами, ощущавшими дискриминацию. Однако в условиях авторитарного режима никакого гражданского общества в СССР так и не возникло. Зато советские механизмы формирования власти и ее реальные действия прямо или косвенно укрепляли этническую идентичность как чувство принадлежности к примордиальной общности»⁴. Иначе говоря, амбивалентность имперского пространства определялась тем, что имперское мышление оказалось свойственным только представителям титульной нации, в то время как в советских республиках механизмы производства «советскости» приводили к прямо противоположным результатам. В отдельных республиках формировалась интеллектуальная элита, определявшая себя в первую очередь по эт-

ническому признаку и, соответственно, выстраивающая свою идентификацию в соответствии с этноисторическими мифами об автохтонности и самостоятельности развития своих этносов.

Скрепляющим фактором выступала политика «фронтара», которая отгораживала жителей Советского Союза от некоего внешнего врага, в качестве которого могли выступать как абстрактные «капиталисты», так и вполне конкретные атрибуты заграничной жизни вроде рок-н-ролла или солнцезащитных очков. Такое представление было необходимо для конструирования новой социальной общности, нуждающейся в подчеркивании собственной «инаковости» по отношению к другим социальным группам и политическим режимам. По словам А. Рибера, «концепция фронта может быть востребована для того, чтобы построить неоднозначную пористость границы в наше понимание способов, с помощью которых человеческие существа стремятся разделять и отделять социальное пространство»⁵. Можно даже добавить, что определяющую роль в создании фронта играет распределение властных ресурсов, их стремление обеспечить свой контроль над определенным сегментом социального и географического пространства. Вместе с тем такой фронт далеко не всегда имел характер «железного занавеса», характеризуясь определенной поливариантностью в зависимости от особенностей национальной и внешней политики СССР.

Не следует абсолютизировать имперскость Советского Союза и приписывать ему стремление максимально ассимилировать находящиеся на его территории нации по двум причинам. Во-первых, национальная политика СССР на протяжении его существования претерпела несколько резких поворотов (от «интернационализации» 1920-х гг. до воспроизводства этничности в противовес религиозности во время реформ Н. С. Хрущева в 1960-х гг.). Во-вторых, отношение к конкретным нациям носило выборочный характер и, по убедительному объяснению А. И. Миллера, опиралось на «политический расчет на то, что поощряющая политика в отношении этнических групп, разделенных западной границей СССР, привлечет на сторону СССР их соплеменников за рубежом и увеличит возможности Москвы влиять на западных соседей»⁶. Подобная взаимосвязь внешней и национальной политики отразилась на судьбах наций, разделенных западной границей Советского Союза, в том числе и украинцев.

Легитимация нового политического субъекта достигалась и за счет использования истории в качестве ресурса оправдания политических и социальных моделей поведения советской власти. Как только терпит крах политика «интернационализма» и возникает потребность в выстраивании автономной истории (1930-е гг.)⁷, происходит редуцирование исторических фактов – противостояние европейскому влиянию со стороны

Древнерусского государства и тех политических объединений, которые рассматривались как преемники этой первой формы государственности на территории Советского Союза. Как говорил основоположник советской исторической науки М. Н. Покровский, «история – это политика, опрокинутая в прошлое», соответственно, борьба с идеологическим противником предполагает использование любого оружия, вплоть до искажения или замалчивания исторических фактов.

Впрочем, у любого обоснования есть свои границы и их обозначает изменяющаяся политическая реальность, что и произошло в 1991 г. По словам Р. Суни, «когда легитимация постепенно теряет свою основу при молчаливом согласии большинства населения, имперские правители вынуждены прибегать к насилию, чтобы сохранить власть, и происходит это как раз в тот момент, когда их воля, способность поддерживать порядок и уверенность в ней стремительно ослабевают»⁸. Начавшиеся в 1980-х гг. конфликты на национальной почве (Нагорный Карабах) отметили переход сформировавшихся национальных элит от обозначения автономности в рамках советской политической и идеологической системы к претензиям на самостоятельную политическую идентификацию. При этом способом подчеркивания таких претензий стало обращение к истории, совпадающее со стремлением максимально размежеваться с тем типом имперского прошлого, который конструировался в советской историографии. По словам В. А. Шнирельмана, «в национальных республиках еще менее притягательным оказывался образ императорской России, на счету у которой имелись свои преступления, и о них в 1990-х годах много писали, например, в Татарстане, в Башкортостане и в республиках Северного Кавказа. В такой ситуации вполне естественным выглядело стремление многих людей дистанцироваться от всех этих преступлений и несправедливостей. Такой цели можно достичь двумя способами: во-первых, апелляцией к более древнему прошлому, которое не воспринималось столь болезненно и которому можно было придать героический облик, а во-вторых, акцентом на “малую родину”, позволявшим избежать прямой идентификации с деятельностью российского государства»⁹.

Даже в современном обществе, провозглашающем принцип максимального ускорения социальных и технических преобразований, история остается главным источником обоснования формы политического правления. Понятно, что в данном случае она лишается своей универсальной значимости, которая придавалась ей в рамках позитивистской методологии, и становится лишь источником конструирования определенного типа памяти.

Резкое изменение и увеличение количества новых политических образований на постсоветском пространстве, развитие средств коммуника-

ции и получение доступа к ним практически всеми социальными группами лишают социальную память непротиворечивости и последовательности, соответствующей эпохе существования национальных государств. Любое знание, в том числе и знание о прошлом, является верифицируемым и корректируемым со стороны разных заинтересованных в этом знании социальных институтов или отдельных индивидов. Образ последовательно развивающейся, однонаправленной и непрерывной памяти сменяется множеством отдельных серий событий, «мест памяти», если придерживаться терминологии П. Нора, которые образуют последовательность лишь в результате совокупности историографических операций и коммеморативных практик¹⁰. Вместе с тем опрометчиво было бы считать, что многовариантность восприятия прошлого является основанием для краха любой интегративной идеологии.

По мнению А. Дюкова, следует различать понятия «политика памяти» и «историческая политика»¹¹. Под исторической политикой понимается поиск исторических оснований для предъявления политических или экономических претензий, причем инструментами этой политики могут стать вымышленные факты, замалчивание «неудобных» фактов, сознательная подтасовка интерпретации исторических событий. В такой трактовке историческая политика выступает элементом политической борьбы и может рассматриваться как элемент внешнеполитической идеологии. А. Миллер в этой связи добавляет, что само понятие «историческая политика», появившееся в Польше, является идеологически окрашенным, поскольку целью его создания явилось стремление добиться компенсации от правопреемников бывшего Советского Союза¹². «Требую от России покаяния и компенсаций за реальные и мнимые грехи, описывая Россию как неизлечимо агрессивную имперскую нацию, создавая образ России как конституирующего и враждебного Чужого, сторонники “исторической политики” считают ее подходящим инструментом для формирования национальной идентичности у себя в стране, для борьбы со своими политическими оппонентами, для маргинализации тех или иных групп населения»¹³. Такая политика может оправдываться эмоциональными и прагматическими факторами, но ее конструктивный потенциал оказывается крайне низким, поскольку происходит продуцирование политических конфликтов, которые в условиях этнически неоднородного населения стран современной Восточной Европы приводят к эскалации этнической дискриминации.

«Политика памяти» представляется в рамках научного дискурса более адекватным термином для описания совокупности действий, предпринимаемых государством или общественными организациями для формирования коллективной

идентичности на основании преодоления конфликтных моментов прошлого и подчеркивания тех событий и фактов, которые способны обеспечить консолидацию большей части общества. Политика памяти выходит на передний план тогда, когда современная социальная и политическая ситуация вызывает потребность в изменении не самого отношения к прошлому, а его отдельных элементов, устаревшими оказываются сами стратегии обращения к прошлому. Таким образом, определенный тип памяти начинает поддерживаться и транслироваться с помощью государственных информационных и финансовых ресурсов в том случае, когда вызываемые этой памятью эмоциональные и рациональные ценности оказываются созвучными приоритетам современной политики.

Можно конкретизировать представленные выше суждения следующим образом: *политика памяти* представляет собой целенаправленную деятельность по репрезентации определенного образа прошлого, востребованного в современном политическом контексте, посредством различных вербальных (речи политиков, учебники истории) и визуальных (памятники, государственная символика) практик. При этом политику памяти следует отличать от фальсификации истории (если под фальсификацией понимать вымышленные факты, а не механизм репрессий ученых и их научных концепций), потому что суть данных действий заключается не в придумывании исторических «фактов», а только в поиске более подходящей интерпретации и выборе новых критериев отбора исторически значимых событий. Политика памяти заключается в создании того набора образов прошлого, который наиболее эффективно позволит конструировать коллективную идентичность, снижать уровень противостояния внутри государства и репрезентировать это государство в рамках мирового сообщества.

Когда 9 мая мы приходим возлагать цветы к Могиле неизвестного солдата – это тоже политика памяти, одновременно индивидуальная (поскольку мы совершаем это по зову сердца) и коллективная (поскольку цветы возлагаем не мы одни). Осознание солидарности (в понимании Э. Дюркгейма) возникает не только потому, что мы не одни делаем этот шаг, а еще и потому, что в этом ритуале оказываются задействованными механизмы коллективной идентичности, сформированные в результате социализирующих, прежде всего образовательных практик.

Образовавшиеся на постимперском пространстве независимые государства пытаются легитимировать свое независимое бытие, выстраивая политику неприязни по отношению к периоду подчиненного существования и, соответственно, перенося эту неприязнь на своего современного соседа. Стремление новых государств доказать неслучайность своего возникновения, а точнее,

объяснить чересчур позднее обретение суверенитета вмешательством внешних сил, приводит к дестабилизации политических отношений. Только что образовавшаяся страна уже оказывается ответственной за преступления прекратившего свое существование режима. В такой ситуации и оказалась Российская Федерация. Обозначив свою правопреемственность от Советского Союза, она не только приняла на себя долги несуществующего государства (как когда-то и сам Советский Союз по отношению к Российской империи), но и стала мишенью для нападков со стороны новых государств, пытающихся укрепить национальную идентичность¹⁴.

Во многом данная ситуация оказалась обусловленной тем, что, в отличие от других новообразовавшихся государств, не имевших своих учебников истории, Россия оказалась перед выбором – разработать новые учебники или слегка модернизировать старые, советские. Пойдя по пути «наименьшего сопротивления», российское руководство задало тренд в преподавании истории, отдельные шаги по борьбе с которым стали делаться только в последние годы.

Учебник истории призван протянуть прямую линию, выстроить четкую последовательность событий от точки возникновения государства к той, в которой это государство находится в настоящий момент. Приходится констатировать, что современный российский учебник истории не в состоянии выполнить свою основную функцию. Построенный еще на имперских стереотипах, он содержит факты, которые имеют косвенное отношение к стране, образованной в 1991 г. Современный российский школьник зачастую не в состоянии оценить, какая существует связь между Киевской Русью, империей Романовых, Советским Союзом и Российской Федерацией. То, что представляется достаточно закономерным предшествующему поколению, воспитанному еще на советских стереотипах, вызывает непонимание и отторжение у поколения-2020. Насущной проблемой политики памяти в России становится не только *защита* своей истории от произвольной фальсификации со стороны недоброжелательных политиков, но и выстраивание собственной траектории исторического развития, опирающейся не на привычные стереотипы, а на реальное положение России в современном мире.

Российское общество в последние годы оказалось в непростой ситуации, будучи вынужденным пересматривать не только стратегии развития, но и свои взаимоотношения с собственным прошлым. В отсутствие активной государственной политики в этой сфере отдельные российские регионы вынуждены решать данную задачу самостоятельно, выстраивая собственную конфигурацию исторического прошлого. Отдельные образы прошлого не складываются в целостную картину, что становится проблемой политического и культурного самоопределения

России в глобальном мире, поскольку рыночный характер современных межгосударственных отношений требует конкурентоспособной политики памяти, представляющей интересы России в мировом сообществе.

Очевидность потребности в решении данной задачи в последнее время стала осознаваться на государственном уровне, о чем свидетельствует Указ Президента от 15 мая 2009 г. о создании при Президенте РФ Комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России. Вместе с тем выстраивание единой политики памяти нуждается в выявлении тех образов прошлого, которые в последние годы стали элементами российского культурного пространства, их визуальной репрезентации в российских городах и осмыслении их взаимосвязи с тенденциями развития российского общества. В настоящее время борьба с исторической фальсификацией носит «догоняющий характер», т. е. заключается в реагировании на выдвигаемые в адрес России другими государствами претензии либо в попытке урегулирования уже возникших внутренних конфликтов. Насущной задачей российской внутренней и внешней политики становится создание координированной *политики памяти*, которая позволит создавать конкурентоспособный образ прошлого и делать его активным элементом государственной политики.

При этом многие исторические события, которые для современной российской истории являются ключевыми, формирующими национальную идентичность, являлись таковыми и для Советского Союза. Прежде всего речь идет о Великой Отечественной войне, которая для современного российского гражданина является источником национальной гордости и политического единства. Но поскольку в таком же качестве это историческое событие выступало и в государственной идеологии Советского Союза, стремление «разделаться» с советским прошлым приводит к попыткам дискредитации борьбы с нацизмом. В новых государственных идеологиях эта борьба становится источником нападков, зачастую переходящих от политических высказываний к конкретным шагам – переносу в 2007 г. «Бронзового солдата» в Эстонии из центра столицы, взрыву памятника воинам-освободителям в Тбилиси весной 2010 г. Поэтому насущной проблемой для российской политики памяти становится формирование четкой стратегии, позволяющей отделить общечеловеческое значение одержанной над нацизмом победы от конкретных случаев ущемления национальной свободы в Советском Союзе. Можно констатировать, что такие шаги современным российским руководством делаются. 9 мая 2010 г. в составе традиционного парада на Красной площади впервые прошли не только российские войска, но и воинские подразделения практически всех

стран как ближнего, так и дальнего зарубежья, одержавших победу в войне. Это событие продемонстрировало как готовность России к диалогу, так и позитивные изменения, происходящие в выстраивании государственной политики памяти.

Статья выполнена в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы (ГК № 02.740.11.0592).

Примечания

- 1 См.: Шнирельман В. А. Очарование седой древности : мифы о происхождении в современных школьных учебниках // Неприкосновенный запас. 2004. № 5. С. 18–30 ; *Он же*. От «советского народа» к «органической общности» : образ мира русских и украинских неоязычников // Славяноведение. 2005. № 6. С. 56–64.
- 2 Россия и страны Балтии, Центральной и Восточной Европы, Южного Кавказа, Центральной Азии : старые и новые образы в современных учебниках истории / под ред. Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова. М., 2003. С. 69–33.
- 3 См.: Новая имперская история постсоветского пространства / под ред. И. Герасимова, С. Глебова, А. Каплуновского [и др.]. Казань, 2004. 520 с.

- 4 Шнирельман В. А. Очарование седой древности... С. 27.
- 5 Рибер А. Меняющиеся концепции и конструкции фронта : сравнительно-исторический подход // Новая имперская история постсоветского пространства. С. 199.
- 6 Миллер А. И. История империи и политика памяти // Наследие империй и будущее России. М., 2008. С. 45.
- 7 Подробнее об этом на примере фигуры Александра Невского (см.: Шенк Ф. Б. Александр Невский в русской культурной памяти. М., 2007. С. 132–134).
- 8 Суни Р. Диалектика империи : Россия и Советский Союз // Новая имперская история постсоветского пространства. С. 164.
- 9 Шнирельман В. А. Очарование седой древности... С. 32.
- 10 См.: Нора П. Между памятью и историей, проблематика мест // Франция-Память. СПб., 1999. С. 17.
- 11 Дюков А. Ни одно общество в мире не может обойтись без своей политики памяти. URL: // <http://www.liberty.ru/Themes/Aleksandr-Dyukov-Ni-odno-obschestvo-v-mire-ne-mozhet-obojtis-bez-svoej-politiki-pamyati> (дата обращения: 31.10.2011).
- 12 Миллер А. И. Указ. соч. С. 51.
- 13 Там же. С. 52.
- 14 См.: Коносов Н. Е. Память строгого режима. История и политика в России. М., 2011. С. 27.

УДК 101.8

МЕТАТЕОРИЯ И ЯЗЫК СОВРЕМЕННОЙ ПЕДАГОГИКИ

Е. И. Беляев

Саратовский государственный университет
E-mail: seriyxxx@mail.ru

В статье рассматриваются метатеория образования и роль философских аспектов языка педагогики в социализации человеческой личности.

Ключевые слова: метатеория, философия образования и преподавания, язык педагогического мышления.

Metatheory and Language of Contemporary Pedagogy

E. I. Beliaev

In article are considered the metatheory of education, the language of contemporary teaching, and the role of philosophical aspects of pedagogical language in the socialization of human person.

Key words: metatheory, philosophy of education and of teaching, language of pedagogy.

В современной философии большое внимание уделяется разработке метатеоретических во-

просов знания. К их числу относится формальное и содержательное осмысление задач образования, в частности исследование принципов и цели образования. Такое исследование предполагает анализ соображений, касающихся функций философии в развитии человеческой личности¹. Поскольку у философов обнаруживается значительная разница во взглядах на образование и философских принципах, это свидетельствует о том, что взаимоотношения философии и образования представляют собой определенную проблему, поэтому способы эпистемологического анализа и оперирования понятиями во многом определяются проблематикой смысла и его изменения в языке педагогики. Особое внимание к анализу действий, стиля жизни и интерсубъективных значений, понимание, что в основе социальной и педагогической практики лежат моральные парадигмы,